

TALES OF THREE HEMISPHERES

by Lord Dunsany

Лорд Дансени

Сказания трех полушарий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160800

Оригинал: LordDunsany, "Tales of Three Hemispheres"

Перевод:

Александр Юрьевич Сорочан

Аннотация

«Сказания трех полушарий», изданные в 1919 году, относятся к переломному этапу в творчестве Дансени. От рассказов он перешел в 1920-х годах к романам – дивным и чарующим, но – другим. Я попытался воспроизвести смятенный дух оригинального текста и оригинальную же композицию цикла. В американских изданиях 1970-х (1972, 1977) «Сказания трех полушарий» дополнялись текстами из других книг (в частности, публиковался в этой книге раздел «За пределами знакомого мира», в который входили три рассказа о Янне). Я упражнялся с 11-ю изначальными историями. Но только пока...

Содержание

От переводчика	4
Последний сон Бваны Кублы	6
Как освободилось место почтальона в Оффордена-пустоши	12
Молитва Буб Ахиры	19
Восток и Запад	24
Замечательное побоище	29
Как боги отомстили за Меол Ки Нинга	33
Дар богов	36
Мешок изумрудов	39
Старое коричневое пальто	44
Архив Древних Тайн	50
Город чудес	52

Дансени Лорд

Сказания трех полушарий

От переводчика

«Сказания трех полушарий», изданные в 1919 году, относятся к переломному этапу в творчестве Дансени. От рассказов он перешел в 1920-х годах к романам – дивным и чарующим, но – другим. Я попытался воспроизвести смятенный дух оригинального текста и оригинальную же композицию цикла. В американских изданиях 1970-х (1972, 1977) «Сказания трех полушарий» дополнялись текстами из других книг (в частности, публиковался в этой книге раздел «За пределами знакомого мира», в который входили три рассказа о Янне). Я упражнялся с 11-ю изначальными историями. Но только пока...

Конечно, мои переводы остаются лишь упражнениями. Но продиктованы они самой что ни на есть благой целью – познакомить широкие читательские круги с творчеством 18-го барона Дансени, столько много давшего современной литературе... Оригиналы, увы, не всем доступны. А Знание всегда притягательно.

С наилучшими пожеланиями – с тихих берегов Янна и с дивных манчжурских равнин, с туманных лондонских улиц

и с неведомых тропических островов – за Лорда Дансени –
Александр Сорочан (bvelvet@rambler.ru).

Последний сон Бваны Кублы

По жарким и влажным низинам, что лежат по ту сторону экватора, там, где цветут чудовищные орхидеи, где жуки размером с мышью сидят на палатках, где огни светляков скользят в ночи подобно маленьким движущимся звездам, – там пробирались путешественники три дня через леса кактусов, пока не вышли на открытые равнины, где бродят антилопы бейза.

И они были довольны, когда добрались до колодца, где ступала прежде нога только одного белого человека, и набрали воду в том месте, которое аборигены называли лагерем Бваны Кублы.

Колодец находился в трех днях пути от ближайшего источника воды, и когда Бвана Кубла дошел сюда три года назад, сотрясаясь всю дорогу от малярии и с ужасом обнаружив пересохший источник, он решил умереть здесь, а в этой части мира подобные решения всегда фатальны. В любом случае он был обречен на смерть, но до тех пор его удивительная решимость и особенно жуткая сила характера, изумлявшая его проводников, поддерживала в нем жизнь и направляла его сафари.

У него, без сомнения, было имя, некое обычное имя вроде тех, которые красуются едва ли не сотнями над множеством магазинов в Лондоне; но это имя давно забылось, и ничто не

выделяло воспоминания о нем среди воспоминаний обо всех прочих мертвецах, кроме имени «Бвана Кубла», которое ему дали кикуйю.

Нет сомнения, что он был просто испуганным человеком, который все еще боялся за свою жизнь, когда его рука не могла больше поднять кибoko, когда все его спутники понимали, что он умирает, и до того самого дня, когда он все-таки умер. Хотя его нрав был ожесточен малярией и экваториальным солнцем, ничто не разрушило его волю, которая до самого последнего мгновения оставалась полной маниакальной силы, выражаясь во всем, и осталась таковой после смерти, как говорят кикуйю. Страна должна была иметь могучие законы, чтобы изгнать Бвану Кублу или его дух – и неважно, какая это страна.

Утром того дня, когда они должны были прибыть в лагерь Бваны Кублы, все проводники пришли в палатки путешественников, выпрашивая доу. Доу лекарство белого человека, которое излечивает все зло; чем противнее оно на вкус, тем лучше. Они хотели этим утром удержать дьяволов на расстоянии, ибо слишком близко подошли к местам, где нашел свой конец Бвана Кубла.

Путешественники дали им хинин.

К закату они пришли в *campini* Бваны Кублы и нашли там воду. Если бы они не нашли воды, многие из них, должно быть, умерли бы, и все же ни один не чувствовал никакой благодарности к этому месту: оно казалось слишком злове-

щим, слишком полным гибелью, слишком много беспокойства причиняли почти незримые, непреодолимые вещи.

И все аборигены явились снова за доу, как только были установлены палатки, чтобы защититься от последних снов Бваны Кублы, которые, как они говорят, остались, когда участники последнего сафари забрали тело Бваны Кублы в цивилизованные края – показать белым людям, что они не убивали его, поскольку иначе белые люди могли бы не поверить, что они не убили Бвану Кублу.

И путешественники дали им еще больше хинина, такую дозу, которая плохо подействовала на нервы, и той ночью у походных костров не было никаких приятных разговоров; все говорили о мясе, которое ели, и о рогатом скоте, которым владели, а потом мрачная тишина повисла над всеми кострами и маленькими брезентовыми укрытиями. Аборигены сказали белым людям, что город Бваны Кублы, о котором он думал в самом конце (и где, как уверяли проводники, он был некогда королем), о котором он бредил, пока одиночество пропитывалось его бредом, – этот город расстилался вокруг них; и они боялись, поскольку это был столь удивительный город, и хотели еще больше доу. И два путешественника дали им больше хинина, поскольку видели настоящий ужас на лицах, и знали, что аборигены могли убежать и оставить их одних в том месте, которого они также начинали бояться едва ли не с той же силой, хотя и не знали причин. И поскольку ночь усиливала их дурные предчувствия, они разделили

три бутылки шампанского, которые хотели сохранить до того дня, когда они убьют льва.

Такова история, которую каждый из двоих рассказывает и которую их проводники подтверждают, хотя кикуйю будет всегда говорить то, чего от него ожидают.

Путешественники были в постелях и пытались уснуть, но не могли этого сделать из-за зловещего чувства. И самый жалобный из всех криков диких животных, крик гиены, подобный плачу проклятой души, прекратился, что само по себе достаточно странно. Ночь достигла того часа, в который Бвана Кубла умер три или четыре года назад, мечтая и бредя о «своем городе»; и в тишине мягко возник звук, сначала подобный ветру, затем подобный реву животных, затем явственный звук двигателей – двигателей и моторных автобусов.

И затем они увидели, ясно и безошибочно, как они говорят, в этой одинокой пустоши, где линия экватора выходит из леса и взбирается по иссеченным ветром холмам, – они говорят, что увидели Лондон.

На небе не было луны той ночью, но они говорят, что светило множество звезд. Туман пришел, собираясь вечером вокруг вершин неисследованных красных пиков, окружавших лагерь. Но они говорят, что туман, должно быть, расступился позже; во всяком случае они клянутся, что они могли видеть Лондон, видеть его и слышать его шум. Оба говорят, что видели город не таким, каким его знали, не испорчен-

ный сотнями тысяч летящих рекламных объявлений, но измененный: все его здания были великолепны, их дымоходы превратились в грациозные башенки, его обширные площади заполнились самыми роскошными деревьями. Город преобразился, и все-таки это был Лондон.

Его окна были полны тепла и счастья, они светились в ночи, лампы в их длинных рядах приветствовали вас, трактиры были добрыми веселыми местами; и это был Лондон.

Они могли вдыхать запахи Лондона, слышать лондонские песни, и все же это не был Лондон, который они знали; похоже на то, как будто они наблюдали лицо некой странной женщины глазами ее возлюбленного. Поскольку из всех городов земли или городов, воспетых в песнях; из всех мест, неосвященных или освященных, казалось тем двум людям тогда, из всех мест город, который они видели, был самым желанным. Они говорят о шарманке, игравшей совсем рядом, они говорят, что шарманщик пел, они признают, что он пел без мелодии, они узнают акцент кокни, и все же они говорят, что песня несла в себе что-то, чего никакая земная песня не таила прежде, и оба говорят, что они заплакали бы, но было чувство в глубинах их сердец, которое оказалось слишком глубоким для слез. Они полагают, что тоска этого могучего человека, который сохранил способность управлять сафари, просто поднимая руку, была настолько сильна в последний момент, что она выразилась в природе и создала мираж, который может не исчезнуть полностью еще долго, возможно,

несколько лет.

Я попытался своими вопросами подтвердить или опровергнуть истинность этой истории, но двое мужчин были так испорчены Африкой, что не снизошли до перекрестного вопроса. Они даже не сказали, горели ли еще их походные костры. Они говорили, что видели лондонские огни повсюду вокруг себя с одиннадцати часов до полуночи, они могли слышать лондонские голоса и звук движения ясно, и повсюду, немного туманная, может быть, но явственно различимая, предстала великая столица, Лондон.

После полуночи образ Лондона задрожал и стал менее ясным, звук движения начал затихать, голоса, казалось, удалялись, затем вообще прекратились, и все снова замерло там, где мираж мерцал и исчез; и носорог, спустившийся к ним в тишине, фыркнул и с шумом втянул в себя воду в том самом месте, где только что был Карлтон Клуб.

Как освободилось место почтальона в Оффорде-на-пустоши

Обязанности почтальона в Оффорде-на-пустоши Амюэл Слеггинс нес далеко дальше окраин деревни, дальше последнего дома в переулке, прямо по большой голой пустоши до самого дома, где никто не бывал, никто, кроме трех мрачных мужчин, которые там жили, скрытной жены одного из них, и, один раз в год, когда приходило подозрительное зеленое письмо, Амюэла Слеггинса, почтальона.

Зеленое письмо всегда приходило тогда, когда опадали листья, и было адресовано старшему из трех мрачных мужчин; оно было с замечательным Китайским штампом и с оффордской почтовой маркой, и Амюэл Слеггинс нес его к дому.

Он не боялся ходить туда, поскольку всякий раз нес с собой письмо, делал так в течение семи лет, и все же всякий раз, когда лето начинало подходить к концу, Амюэл Слеггинс слегка нервничал, а когда наступала ранняя осень, он почти дрожал так сильно, что все окружающие немало дивились.

И вот в один из дней являлся ветер с Востока, и дикие гуси, оставив море, взлетали высоко и кричали странно, и

проносились по небу, пока не превращались просто в тонкую черную линию, подобную волшебной палочке, бросаемой тем, кто творит волшебство, крутящейся и вертящейся в воздухе; и листья опадали с деревьев, и туманы белели на болотах, и солнце становилось большим и красным, и осень спокойно спускалась ночью с пустоши; а на следующий день приходило странное зеленое письмо из Китая.

Или страх перед тремя мрачными мужчинами, одной скрытной женщиной, их одиноким, изолированным домом, или трупный холод умирающего года тяжелой ношей ложился на плечи Амюэла, но все же, когда приходило время, он отправлялся в путь чуть смелее, чем можно себе представить. Он очень хотел в тот день письма для последнего дома в переулке, поскольку он мог бы развлечься и поговорить некоторое время и понаблюдать за лицами идущих в церковь перед последним визитом в одинокую пустошь, который должен был завершиться у пугающей двери подозрительного серого дома, называемого хижинкой на пустоши. Когда он приходил к двери хижины на пустоши, он стучал, как будто это была обычная ежедневная прогулка к дому, хотя ни одна дорожка не вела к нему, и только шкуры ласок свисали из верхних окон.

И едва разносилось эхо от стука почтальона в темноте дома, как старший из трех мрачных мужчин всегда подбегал к двери. О, какое у него было лицо! В нем было больше хитрости, чем когда-либо могла скрыть его борода. Он вытягивал

вперед жилистую руку; и в эту руку Амюэл Слеггинс опускал письмо из Китая, и радовался, что его обязанность была исполнена, и поворачивал и шагал обратно. И поля освещались перед ним, а зловещее, нетерпеливое и низкое бормотание раздавалось в хижине на пустоши.

Семь лет дела обстояли так, и ничего дурного не случилось со Слеггинсом, семь раз он ходил к хижине на пустоши и столько же раз благополучно возвращался; а затем он захотел жениться. Возможно, потому что она была молода, возможно, потому что она была хороша собой, или просто потому, что она обнажила свои красивые лодыжки, когда босиком проходила однажды весной через болота по цветущим лужайкам. И меньшие причины подчас приводили людей к печальному концу и становились основой тех петель, которыми Судьба могла остановить их бег. С браком вступило в его дом любопытство, и однажды, когда они шли вечером через луга, чудесным летним вечером жена спросила его о хижине в пустоши, где он только что был, и о людях, которых никто, кроме него, никогда не видел. Все это он рассказал ей; и затем она спросила о зеленом письме из Китая, которое пришло осенью, и о содержании этого письма. Он прочитал ей все правила Почтовой Службы, он сказал ей, что не знает, что по правилам он и не должен знать, он читал ей лекции о грехе любознательности, он цитировал Пастора, и в конце концов она сказала, что должна узнать. Они спорили об этом в течение многих дней, в дни окончания лета, сокраща-

ющихся вечеров, и пока они спорили, осень все приближалась, а вместе с ней – и зеленое письмо из Китая.

И наконец он пообещал, что когда придет зеленое письмо, он понесет его как обычно к одинокому дому и затем скроется где-нибудь рядом, подползет к окну в сумерках и услышит то, что говорят мрачные люди; возможно, они могли бы громко прочитать письмо из Китая. И прежде, чем он успел раскаяться в этом обещании, примчался холодный ветер и в одну ночь лес стал золотым, ржанки понеслись вечером над болотами, год истек, и пришло письмо из Китая. Никогда прежде не испытывал Амюэл подобного предчувствия, совершая свой обход почтальона, никогда прежде не боялся он столь сильно дня, в который отправлялся к пустоши и одинокому дому. А в это самое время у огня его жена радостно устремляла свои мысли к предстоящему удовлетворению любопытства и надеялась получить до сумерек новости, которым позавидуют все деревенские сплетницы. Одно утешение только было у Амюэла, когда он, содрогаясь, отправился в путь – в тот день было письмо для последнего дома в переулке. Долго он оставался там, чтобы посмотреть на радостные лица, слышать звук смеха, – Вы никогда бы не услышали смеха в хижине на пустоши, – и когда была исчерпана последняя тема для разговора и никакого оправдания для задержки не осталось, он издал тяжелый вздох и мрачно потащился мрачно в путь, так что прибыл в хижину на пустоши с опозданием.

Он привычным стуком почтальона постучал в закрытую дубовую дверь, услышал, как эхо разнеслось по тихому дому, увидел мрачного старшего мужчину и его жилистую руку, отдал зеленое письмо из Китая и пошел прочь. Несколько деревьев росли в полном одиночестве в пустоши, далекие от людей, жалкие, днем и ночью полные дурных знаков, далекие от всех других деревьев, как хижина пустоши была далека от других зданий. Около этой рощицы и стояла хижина в пустоши. Сегодня Амюэл не пошел быстро прочь вместе со свежими осенними ветрами, несшимися радостно вокруг, ускоряя шаг в ожидании возвращения в деревню и напевая радостные песни. Нет, как только он оставил вне поля зрения дом, который посещал, и спустился за небольшой холм, то тут же пригнулся и отбежал к пустынным древесным зарослям. Там он ждал, наблюдая за ужасным домом, но слишком далеко, чтобы слышать голоса. Солнце уже опускалось. Он выбрал окно, в которое он хотел подслушать разговор, маленькое окошечко в задней части дома, близко к земле. И затем появились голуби; кругом на большом расстоянии не было никаких других деревьев, так что несколько птиц уселись там, хотя рощица была так мала и выглядела столь пугающе (если они это заметили); первый испугал Амюэла, почтальон решил, что это мог бы быть дух, избежавший пытки в некой тускло освещенной комнате дома, за которым он наблюдал; его нервы были напряжены, и он испытывал глупейшие опасения. Потом он привык к голубям, но тогда солнце село,

облик окружающего мира изменился, и Слеггинс почувствовал странные опасения снова. Позади него была пустошь, он наблюдал, как она скрывается во тьме; и впереди он видел дом сквозь стволы деревьев. Он ждал, когда зажгутся лампы, чтобы обитатели дома не смогли разглядеть, как почтальон подкрадется и присядет у маленького заднего окна. Но хотя все птицы были дома, хотя ночь стала холодной как могила, хотя звезды взошли, все еще никакого желтого света в окнах не появлялось. Амюэл ждал и дрожал. Он не смел двинуться с места, ведь пока не зажгли лампы, за ним могли наблюдать. Влажность и холод этого осеннего вечера так странно воздействовали на него, и остатки заката, звезды и пустошь и самое небо походили на зал, который кто-то подготовил для Страха. Он начал испытывать ужас перед чем-то неизреченным, а в доме все еще не загорался свет. Стало настолько темно, что он решил сойти с места и проделать путь к окну, несмотря на тишину и темноту, царившие в доме. Он поднялся и замер, скованный болью, теснившей его затекшие члены. И тогда он услышал, что на дальней стороне дома распахнулась дверь. У него было время только для того, чтобы скрыться за стволом сосны, когда трое мрачных мужчин приблизились к нему, а женщина хромала позади. Они подошли прямо к зловещей куче деревьев, как если бы им нравилась их чернота, прошли в ярде или двух от почтальона и уселись на корточки в круг на поляне за деревьями. Они разожгли огонь на поляне и положили кожаный ме-

шочек в огонь, и в свете костра Амюэл увидел извлеченное из мешка письмо, которое пришло из Китая. Старший открыл его своей жилистой рукой и, выкрикивая слова, которых Амюэл не знал, вытащил из конверта щепотку зеленого порошка и бросил в огонь. Сразу взметнулось пламя, и распространился замечательный аромат, огонь поднимался все выше и мерцал, окрашивая деревья в зеленый цвет; и Амюэл увидел богов, пришедших, чтобы вдыхать аромат. В то время как трое мрачных мужчин расprostерлись ниц у огня вместе с ужасной женщиной, которая была супругой одного из них, Амюэл Слеггнис увидел богов, в измождении пришедших в пустоши, созерцал богов Старой Англии, с жадностью вдыхавших нездешний запах, Одина, Бальдра, и Тора, богов древних людей, созерцал их, лицом к лицу, с потрясающей ясностью в сумерках, и так освободилось место почтальона в Отфорде-на-пустоши.

Молитва Буб Ахиры

В гавани, между лайнером и пальмами, когда пассажиры огромного корабля возвращались с обеда, в сиянии луны, каждый в своем каноэ, Али Кариб Ахаш и Буб Ахира сошлись на расстоянии удара ножом.

Так неотложно было дело Али Кариб Ахаша, что он не отклонился от курса, как должен был поступить истинный враг, и не остановился затем, чтобы уладить давнюю распрю; но и Буб Ахира не сделал никакой попытки настичь противника, и это удивило Али. Он обдумывал это, пока электрические огни лайнера не остались далеко позади, слившись в один далекий огонек, и пока каноэ не приблизилось к цели, и обдумывал тщетно, поскольку его восточный отточенный разум мог уяснить только одно: это не похоже на Буб Ахиру – так оставить в покое врага.

Али и не подозревал, что Буб Ахира мог посметь предстать перед Алмазным Идолом по той же причине, что и он сам. И все же, пока Али приближался к золотой святыне среди пальм, которой не обнаружило ни одно крупное судно, все яснее он начинал понимать, что именно в том направлении и скрылся Буб во мраке жаркой ночи. И когда он причалил свое каноэ, его опасения исчезли, уступая место смирению, с которым он всегда взирал на Судьбу; ибо на белом морском песке виднелись следы другого каноэ, и песок был взрезан

им совсем недавно. Буб Ахира был впереди. Али не стал винить себя за опоздание, ведь все происходящее было задумано богами еще до начала времен, а боги знали свое дело; только возросла его ненависть к Буб Ахире, к врагу, против которого он хотел вознести свою молитву. И ненависть его возрастала тем сильнее, чем яснее он различал своего врага, и он не представлял себе ничего иного, кроме темной тощей фигуры, маленьких ног, седой бороды и ровной набедренной повязки Буб Ахиры, его врага.

Алмазный Идол должен был услышать молитву, сущности которой Али пока еще не мог себе представить, а потому он ненавидел врага просто за его самонадеянность в приближении к святыне вообще, за приближение к идолу впереди того, чья молитва была истинна, за многие старые неправды, но больше всего – за выражение лица и за один только вид врага, когда он несся в каноэ с двойным веслом, то и дело вздымающимся в лунном свете.

Али раздвинул насыщенные испарениями заросли. Здесь пахло орхидеями. Не было никакой тропы к святыне, хотя многие шли туда. Если бы остался след, белый человек когда-нибудь смог бы найти его, и отдыхающие устремлялись бы по этому пути всякий раз, когда приближался лайнер; и фотографии появились бы в еженедельных газетах с описаниями для тех людей, которые никогда не оставляли Лондона; и вся тайна исчезла бы и не осталось бы ничего романтического в этой истории.

Али прошел едва сотню ярдов сквозь кактусы и побеги пальм, когда добрался до золотой святыни, которую никто и ничто не охранял, кроме лесной чащи, и увидел Алмазного Идола. Алмазный Идол был высотой пять дюймов, а его основа – ровный квадрат площадью в добрый дюйм, и он блеснул куда ярче, чем те алмазы, которые м-р Моисей купил в прошлом году жене, когда предложил ей графский титул или алмазы, и Джэл, его жена, ответила: «Покупай алмазы и оставься просто м-р Фортескью». Куда чище был его блеск и огранка, поскольку его сделали не в Европе. Люди здесь были столь бедны и все же пытались сохранить независимость – и они не продали идола. И сейчас я могу сказать, что если кто-то из моих читателей сможет когда-нибудь достичь на корабле ветреной гавани, где португальские форты рушатся в зарослях бесконечной растительности, где баобабы висят подобно засохшим трупам здесь и там среди пальм; и если этот человек сойдет на берег, где никто не ведет никаких дел, и где никто, насколько я знаю, не сходил с лайнера прежде (хотя находится это место всего в одной миле от пирса); и если он найдет золотую святыню, которая стоит совсем недалеко от берега, и пятидюймовый алмаз, вырезанный в форме бога, то ему лучше оставить эту вещицу на месте и в безопасности вернуться на судно, чем продать алмазного идола за любую цену, которую могут предложить в нашем мире.

Али Кариб Ахаш приблизился к золотой святыне, и когда он поднял свой эхад с семью знаками почтения, кото-

рые необходимы для идола, – вот изваяние воспыало тем блеском, какой возможен только после ответа на недавнюю просьбу. Ни один уроженец тех мест не ошибся бы в оценке цвета идола, ибо они чувствовали изменение его оттенков, как следопыт чувствует кровь; свет луны струился, словно через открытую дверь, и Али видел все ясно.

Ярость Али все возрастала и достигла его сердца, он сжимал нож, пока рукоятка не поранила его руку, но все же он не произносил мольбы, которую приготовил для Буб Ахиры, ибо видел, что мольбы Буб Ахиры были приняты идолом, и знал, что божественная защита распростерлась над его врагом.

В чем состояла молитва Буба Ахиры, он не знал, но возвратился к берегу с такой скоростью, с какой можно миновать кактусы и лианы, которые вздымаются к вершинам пальм; и с такой скоростью, с какой каноэ могло нести его, он помчался в ветреную гавань, пока огни лайнера вновь не засияли рядом с ним. И он услышал, как звуки оркестра рождаются и умирают в вечернем воздухе, и он достиг земли и явился той ночью в хижину Буб Ахиры. И там он объявил себя рабом бывшего врага, и рабом Буб Ахиры он остался до сих пор, и его хозяин дает ему защиту от идола. И Али подплывает к лайнерам и отправляется на борт, чтобы продать рубины, сделанные из стекла, и тонкие костюмы для тропиков и кольца для салфеток из слоновой кости, и кимоно из Манчестера, и маленькие прекрасные раковины; и пассажи-

ры проклинаяют его из-за непомерных цен; но они все-таки не должны этого делать, ибо все деньги, вырученные Али Кариб Ахашем, идут Буб Ахире, его хозяину.

Восток и Запад

Была глухая полночь в середине зимы. Ужасный ветер приносил дождь со снегом с Востока. Длинные сухие травы причитали на ветру. Два пятнышка света появились на пустынной равнине; человек в двухколесном экипаже ехал в Северный Китай.

Один – с возницей и усталой лошадей. Извозчик носил чудесный водонепроницаемый плащ и, конечно, замасленный цилиндр, а человек в кэбе был облачен только в вечерний костюм. Он не опускал стеклянной дверцы кэба, потому что лошадь то и дело валилась на бок, дождь со снегом потушили его сигару; было слишком холодно, чтобы спать; две лампы вспыхивали на ветру. В колеблющемся свете лампы, мерцавшей внутри экипажа, маньчжурский пастух, который повстречал мчавшийся кэб, когда следил за овцами на равнине, опасаясь волков, впервые увидел вечерний костюм. И хотя он разглядел костюм смутно и увидел его промокшим насквозь, это было подобно взгляду на тысячу лет назад, поскольку его цивилизация была настолько старше нашей, что она, возможно, давно оставила подобные вещи позади.

Он наблюдал стоически, не удивляясь новой вещи (если она вообще была новой для Китая), и размышлял о ней некоторое время в манере, странной для нас. А когда он добавил к своей философии, что немного можно извлечь из вида

этого двухколесного экипажа, то вернулся к вопросу о возможном появлении той ночью волков и к случайным мыслям, которые он извлекал время от времени ради своего комфорта из легенд о Китае, как раз и сохранившихся для таких случаев. А в такую ночь комфорт был весьма необходим. Он вспомнил легенду о леди-драконе, более прекрасной, чем цветы, не имевшей себе равных среди дочерей людского племени, по-человечески прекрасной, хотя ее родитель был драконом, происходившим по прямой линии от богов древних дней, и была она во всех отношениях божественна, подобно самым первым представителям ее расы, которые были более священны, чем император.

Она спустилась однажды из своего небольшого царства, из травянистой долины, скрытой среди гор; пройдя между отрогами гор, она сошла вниз, и камни в узких ущельях звенели подобно маленьким колокольчикам вокруг нее, когда касались их ее голые ноги, звенели, приветствуя ее, подобно серебряным колокольчикам; и звук был подобен звуку королевских дромадеров, когда они приходят домой вечером – их серебряные колокольцы звенят, и деревенский народ счастлив. Она спустилась вниз, чтобы собрать волшебный мак, который рос и растет донныне – если только люди смогут найти его – в полях у подножия гор; если кто-то соберет его, то счастье придет ко всем желтым людям, победа без борьбы, хорошая плата за труд и неизбывная легкость. Она, сияя, спустилась с гор; и когда легенда усладила его разум в самый

горький час ночи, который настаёт перед рассветом, два огня появились, и другой экипаж прошёл мимо.

Мужчина во втором кэбе был одет так же, как первый, он промок куда сильнее первого, поскольку дождь со снегом шёл всю ночь, но вечерний костюм – это вечерний костюм всегда и везде. Водитель носил ту же самую масляную шляпу и ту же самую водонепроницаемую накидку, как и его предшественник. И когда такси прошло, темнота сомкнулась позади, где были две маленьких лампы, и слякоть залила следы колес, и ничего не осталось, кроме размышлений пастуха о том, что делал кэб в этой части Китая; потом даже они исчезли, и пастух вернулся к древним легендам, созерцая более безмятежные вещи.

И шторм, холод и темнота сделали одно последнее усилие, и сотрясли кости пастуха, и застучали зубы в голове, которая размышляла о цветистых баснях, и внезапно настало утро. Вы могли бы внезапно увидеть очертания овец, пастух считал их, никакой волк не являлся, и все это можно было разглядеть весьма ясно. И в бледном свете самого раннего утра появился третий экипаж, лампы его все ещё горели, и это выглядело смешно в дневном свете. Они выехали с Востока в дождь со снегом и все шли на Запад, и пассажир третьего кэба также носил вечерний костюм.

Спокойно, без любопытства, все с меньшим удивлением, но как тот, кто наблюдает за всем, что может показать ему жизнь, этот маньчжурский пастух стоял в течение четырех

часов, ожидая, прибудет ли еще один экипаж. Дождь со снегом и Восточный ветер продолжались. И к исходу четвертого часа проехал следующий кэб. Водитель мчал его с такой скоростью, на какую был способен при максимальном использовании дневного света, накидка возницы дико развевалась у него за спиной; внутри экипаже человек в вечернем костюме взлетал то вверх, то вниз на каждой кочке.

Это была, конечно, известная всем гонка от Питтсбурга до Пиккадилли кружным путем, которая началась однажды ночью после обеда от дома г-на Флэгдропа, и была выиграна г-ном Кэггом, везшим Благородного Альфреда Фортескью, отцом которого, следует запомнить, был когда-то Хагаром Дермштейном и стал (по Жалованной Грамоте) Сэром Эдгаром Фортескью, и наконец Лордом Сент-Джорджем.

Маньчжурский пастух простоял на этом месте до вечера, и когда он увидел, что больше кэбов не будет, то направился домой в поисках продовольствия.

И рис, приготовленный для него, был горяч и вкусен, тем более после жесточайшего холода этого дождя со снегом. И когда он наелся, то вернулся к своему недавнему опыту, рассматривая в уме каждую деталь кэбов, которые он видел; и от них его мысли спокойно скользнули к великолепной истории Китая, назад к беспорядочным временам, предшествующим наступлению спокойствия, и от тех времен к счастливым дням земли, когда боги и драконы были здесь и Китай был молод; и закурив свою трубку опиума и легко ускорив

ход своих мыслей, он обратился к тем временам, когда драконы вернутся снова.

И тогда надолго воцарилось в его сознании это достойное спокойствие, которого не нарушала ни единая мысль, и пробудившись от которого, он отбросил свою летаргию, как человек появляется из ванны, освеженный, чистый и удовлетворенный, и убрал из своих мыслей те вещи, которые он видел на равнине, как злые и по природе своей иллюзорные, или попросту бесполезные видения, результаты деятельности, которая нарушала спокойствие мироздания. И затем пастух направил свой ум к созерцанию формы Бога, Того, Невыразимого, который сидит в центре белого лотоса, чья форма – форма мира; и отрицал он деяние, и благодарил Невыразимого за то, что Тот отбросил все дурные дела на запад из Китая, как женщина выбрасывает домашнюю грязь из своей корзины в соседние сады. От благодарности пастух снова обратился к спокойствию, а от спокойствия ко сну.

Замечательное побоище

С одной из непостижимых и недостижимых вершин, которые известны как Пики Ужаса, орел смотрел на Восток, с надеждой ожидая свежей крови.

Ибо он знал, и радовался этому знанию, что в восточном направлении по лощинам карлики поднимались в Улк, отправляясь на войну с полубогами.

Полубоги были рождены от земных женщин, но их родителями были старшие боги, встарь бродившие среди людей. Иногда в ином обличье приходили они в деревни летними вечерами, скрытые и незримые для мужчин; но юные девы знали о них и бежали к ним с песнями, и все, что об этом говорили старшие: вечерами давным-давно они танцевали в лесу среди дубов. Их дети проживали за пределами лощин, поросших папоротником, в прохладных и заросших вереском странах. И карлики шли теперь на них войной.

Строги и мрачны были полубоги и несли вины обоих родителей, и не смешивались с людьми, но требовали прав своих отцов, и не играли в людские игры, но всегда пророчили, и были даже более фривольны, чем их матери, которых феи давно захоронили в диких древесных рощах, исполнив сверхчеловеческие обряды.

И уязвленные недостатком прав, недовольные землей, не имевшие никакой власти над ветрами и снегами и мало забо-

тившиеся о силах, которыми были наделены, полубоги стали праздными, грязными и медлительными; и высокомерные карлики презирали их.

Карлики высокомерно относились ко всему, что было связано с небесами, и ко всему, что было хоть отчасти божественно. Они происходили, как говорят, от семени человека; но были приземисты и волосаты, как животные; они ценили все скотское, и скотству оказывали почтение среди них, насколько они вообще могли выказывать почтение. И больше всего они презирали недовольство полубогов, которые мечтали о судах небес и власти над ветром и снегом; ибо чего лучше, говорили карлики, полубоги могли пожелать, чем искать по запаху в земле корни и покрывать свои лица болотной грязью, и бегать с веселыми козлами и быть подобными им, карлика́м?

Теперь от безделья, вызванного их недовольством, порождения богов и дев стали еще более недовольными, и говорили и заботились только о небесном; наконец презрение карликов, которые услышали об этом, превзошло их природную сдержанность. И тогда война стала неизбежной. Карлики жгли пряности, окунались в кровь, направляемые своими ведьмами; они точили топоры и собирались идти войной на полубогов.

Они прошли ночью по Горам Оолнара, все карлики со своими старыми топорами, старыми военными кремневыми топорами, сделанными отцами их отцов. Ночью, когда

не светила луна, они шли босыми, шли стремительно, чтобы настичь полубогов в темноте за лощинами Улка, жирных, праздных и презренных.

И прежде чем стало светло, они вошли в поросшие вереском земли и обнаружили полубогов, лениво разлегшихся на склонах холмов. Карлики осторожно подкрались к ним в темноте.

Теперь из всех искусств боги любят больше всего искусство войны: и когда порождения богов и ловких дев пробудились и поняли, что война началась, для них это было почти так же божественно, как все небесное, как пребывание в мраморных судах или как власть над ветром и снегом. Они все вытащили тотчас же свои мечи из закаленной бронзы, лежавшие без дела много столетий – со времен бурных ночей их отцов. Они вытащили мечи и стали перед карликами, и, отбросив свою апатию, вступили в бой, мечи против топоров. И карлики тяжело боролись той ночью и наносили жестокие удары полубогам, рубя их теми огромными топорами, которыми могли валить древние дубы. И все же, при всей весомости ударов и хитрости ночного нападения, одну деталь карлики упустили: полубоги были бессмертны.

Чем ближе было утро, тем меньше становилось сражавшихся, а удары карликов не наносили врагам ни малейшего вреда.

Рассвет настал, и полубоги сражались всего лишь с шестью противниками, а в час, который следует за рассветом,

последний из карликов покинул этот мир.

И когда свет озарил Пики Ужаса, орел оставил свою скалу и мрачно полетел на Восток, и нашел то, что утолило его жажду крови.

А полубоги остались в своих поросших вереском землях, на этот раз удовлетворенные, хотя по-прежнему далекие от судов небес, и даже забыли наполовину свои небесные права и не искали больше власти над ветром и снегом.

Как боги отомстили за Меол Ки Нинга

Меол Ки Нинг шел своим путем с цветком лотоса из священных прудов Эша, чтобы преподнести его Богине Изобилия в храме Аул Керун. И по дороге от водоема, где растут священные цветы, к небольшому холму и храму Аул Керун, Ап Ариф, его враг, выстрелил в Меол Ки Нинга стрелой из бамбукового лука и забрал чудесный цветок на холм и преподнес его Богине Изобилия в храме Аул Керун. И Богиня была довольна подарком, как может быть довольна любая женщина, и прямо с луны посылала приятные сны Ап Ариффу семь ночей подряд.

И на седьмую ночь боги собрали совет на облачных вершинах, где они всегда собирались – выше Нарна, Ктуна и Пти. Так высоко их вершины возносятся, что ни один человек не слышит их голосов. Они говорили на своей облачной горе (и в самом высокогорном поселении не слышали их). «Что творит Богиня Изобилия» (назовем ее Линг, как называют боги), «что творит она, посылая приятные мечты в течение семи ночей Ап Ариффу?» И боги послали за своим провидцем, который был их глазами и ногами, устремлялся туда и сюда по Земле, наблюдая за путями людей, наблюдая даже самые незначительные события, не считая их мелкими,

ибо сети богов сотканы из самых тонких и маленьких вещей. Тот, о котором идет речь, видит кота в саду среди попугаев, вора в верхних палатах, грех ребенка с медом, женщин, говорящих в закрытом помещении и внутреннее убранство малейшей из хижин. Представ перед богами, он рассказал им историю Ап Арифа, Меол Ки Нинга и кражи белого лотоса; он рассказал, как вырезал и сделал Ап Ариф бамбуковый лук, как выстрелил в Меол Ки Нинга, и как стрела поразила его, и какая улыбка появилась на лице Ллинг, когда она приблизилась к цветущему лотосу.

И боги вознегодовали на Ап Арифа и поклялись отомстить за Ки Нинга.

И старейший из богов, тот, который старше Земли, тотчас вызвал гром, и вознес руки и выкрикнул заклятие с высокой ветреной горы богов, и пророчил над камнями с рунами, которые были старше речи, и пел в гневе древние песни, которые он узнал у морских штормов, когда только возникла гора богов и вся земля была суха; и он поклялся, что Ап Ариф должен умереть той ночью, и гром бушевал вокруг него, и слезы Ллинг были напрасны.

Карающая молния богов пронеслась к Земле в поисках Ап Арифа, прошла близко от его дома, но не поразила его. Некий бродяга жил ниже на склоне холма и пел песни на улице поблизости от дома Ап Арифа, песни прежнего народа, населявшего некогда, говорят, те долины, и просил взамен риса и творога; это в него попала молния.

И боги были удовлетворены, и их гнев уменьшился, и их гром прокатился вдаль, и большие черные облака разошлись, и древнейший из богов возвратился к своему старому сну, и утро настало, и птицы явились вновь, и свет засиял на горе, и все могли увидеть ясный, безмятежный дом богов.

Дар богов

Был некогда человек, искавший благосклонности богов. Поскольку мир царил на земле и все вещи на вкус были одинаковы, то человек чувствовал томление в сердце и тосковал по шатрам и полям битв. Поэтому он искал благосклонности древних богов. И представ перед ними, он сказал: «Древние боги; мир воцарился на земле, где я живу, до крайних пределов земли, и мы полны усталости от мира. О древние боги, дайте нам войну!» И древние боги одарили его войной.

И человек двинулся в путь с мечом и бросился с оружием в бой. И человек вспомнил тех малюток, которых некогда знал, и подумал о тихих днях, которые бывали раньше, и ночью на твердой земле мечтал о наступлении мира. И все дороже и дороже казались ему обычные вещи, скучные, но такие спокойные вещи мирных дней, и вспоминая о них, он начал сожалеть о войне, и снова искал милости древних богов, и встал перед ними и сказал: «О древние боги, на самом деле человек любит более всего мирные дни. Поэтому возьмите назад вашу войну, и дайте нам мир, ибо из всех ваших даров мир – лучший и прекраснейший». И человек возвратился снова к спокойствию мира.

Но со временем человек утомился от мира, от вещей, к которым привык, и от привкуса обыденности; и возмечтал он снова о походных шатрах, и явился еще раз к богам и

сказал им: «Древние боги; нам не нравится ваш мир, ибо дни в самом деле тоскливы, и человеку лучше на войне». И боги одарили его войной.

И снова были барабаны, дым походных костров, мусорный ветер, топот боевых коней, пожары городов и все прочее, о чем прекрасно знают путешественники; и мысли того человека возвратились на пути мира; снова явились ему мох на лужайках, огни на старых шпильях, солнце на садах, цветы в милых лесах и сны и дороги мира.

И еще раз человек явился к древним богам и искал у них еще раз помощи, и сказал им: «Древние боги; ничего, кроме мира, не нужно; мы устали от войны и взыскуем древних путей и дорог мира». Так что боги забрали назад войну и дали ему мир.

Но человек устроил однажды совет и общался долго сам с собой и сказал себе: «Пожалуй, желания, с которыми я обращаюсь к богам, не особенно-то и желанны; и если боги в один прекрасный день исполнят желание и никогда не отменят его, а это у богов в обычае, я сильно устану от своего желания; мои пожелания опасны и нежелательны». И поэтому он написал анонимное письмо богам, в котором были слова: «О древние боги; этот человек, что четырежды беспокоил Вас своими пожеланиями, требуя мира и войны, не имеет никакого почтения к богам и плохо отзывается о них в дни, когда они его не слышат, и говорит о них хорошо только на церковных праздниках и в назначенные часы, когда боги

прислушиваются к просьбе. Поэтому не исполняйте больше пожеланий этого нечестивца». И дни мира настали вновь, и снова появился на земле, подобно осенним туманам на полях, которые вспаханы целыми поколениями, вкус обыденности. И человек пошел однажды утром и явился еще раз богам, и вскричал: «О древние боги; дайте нам еще одну войну, чтобы я мог возвратиться к лагерям и границам спорных земель». И боги ответили: «Мы слышали дурные вещи о твоей жизни, да, ужасные вещи достигли нашего слуха, так что мы не исполним больше ни единого твоего желания».

Мешок изумрудов

Однажды холодной октябрьской ночью по высоким пустошам за пределами Уилтшира, где северный ветер воспевал зиму, где старые листья отрывались один за другим от своих ветвей и падали на землю, где раздавались жалобные крики сов и где внушало страх одиночество – тащился в порванных ботинках и в мокрых, продуваемых ветром тряпках старик, низко склоняясь под тяжестью мешка изумрудов. Легко было бы заметить, если б Вы отправились в путь поздно той зловещей ночью, что бремя мешка было слишком велико для бедного старика, который тащил его из последних сил. И имей вы зажженный фонарь, то в его свете вы разглядели бы на лице старика безнадежность и усталость, которые сказали бы Вам, что у него не было ни малейшего желания, пошатываясь, сгибаться под тяжестью вздувшегося мешка.

Когда угрожающий лик ночи и ее унылые звуки, и холод, и вес мешка почти привели старика на край гроба; когда он опустил свой груз на дорогу и потащил за собой; когда он почувствовал, что его последний час пробил, и что хуже всего, пробил именно в тот момент, когда он держал проклятый мешок, вот тогда он увидел высокое здание и черную тень «Потерянного Пастуха», преграждавшую путь. Он открыл дверь, и вошел в свет, и упал на скамью рядом с огромным мешком.

Все это Вы увидели бы, если бы стояли на этой пустынной дороге в поздний час на холодных пустошах, среди их неясных теней, огромных и жалких в темноте, среди редкой древесной поросли, угнетенной наступлением октября. Но ни Вы, ни я не были там ночью. Я не видел бедного старика и его мешок, пока он не скатился вниз в освещенную залу гостиницы.

И Йон – кузнец был там; и плотник, Вилли Лош; и Джеркс, сын почтальона. И они дали ему стакан пива. И старик выпил его, все еще обнимая свои изумруды.

И наконец они спросили его, что у него в мешке – вопрос, которого он очевидно боялся; и он только сжимал все сильнее промокший мешок и бормотал, что там картофель.

«Картофель», сказал Йон кузнец.

«Картофель», сказал Вилли Лош.

И услышав нотку сомнения в их голосах, старик дрогнул и застонал.

«Картофель, говоришь?» – сказал сын почтальона. И все трое поднялись и попытались заглянуть в мешок, который насквозь промокший старик так рьяно защищал.

По ярости старика я не сказал бы, что, он провел всю ночь на грязной дороге, что он очень долго нес тяжелый груз, сопротивляясь яростному октябрьскому ветру. Он боролся с кузнецом, плотником и сыном почтальона, со всеми тремя, пока он не оттеснил их подальше от его мешка. Усталый и мокрый, он боролся с ними изо всех сил.

Я должен был без сомнения вмешаться; и все же эти трое не хотели обидеть странника, они просто обиделись на скрытность, проявленную по отношению к ним, хотя они дали ему пива; то же самое мог бы почувствовать хозяин, если б своим собственным ключом не сумел открыть буфет. А что касается меня, любопытство удерживало меня на стуле и запрещало мне вмешиваться от имени мешка; ибо скрытность старика, и ночь, из которой он пришел, и час его прибытия, и вид его поклажи – все это вызывало во мне такое же желание увидеть содержимое мешка, какое испытывали кузнец, плотник и сын почтальона.

И наконец они нашли изумруды. Камни размером превосходили плоды орешника, и их были сотни и сотни: и старик закричал.

«Ну-ну, мы не воры», сказал кузнец.

«Мы не воры», сказал плотник.

«Мы не воры», сказал сын почтальона.

И с ужасным опасением на лице странник закрыл мешок, рыдая над своими изумрудами и украдкой озираясь вокруг, как будто нарушение его тайны было смертельно опасно. И затем они попросили, чтобы он дал им по одному камню, только по одному большому изумруду каждому, потому что они дали ему стакан пива. Тогда, глянув на странника, сжавшегося над мешком и защищающего его дрожащими пальцами, можно было бы сказать, что он очень эгоистичный человек, если бы не ужас, который искажил его лицо. Я видел

людей, которые смотрели Смерти в лицо с гораздо меньшим опасением.

И они взяли свои изумруды все трое, по одному огромному изумруду каждый, в то время как старик безнадежно боролся, пока не увидел, что три изумруда потеряны; и он упал на пол и заплакал, жалкая, промокшая куча тряпья.

И почти в это самое время я слышал вдали на ветреной дороге, по которой был принесен мешок, сначала слабо, потом все громче и громче, цоканье копыт хромой лошади, подъезжающей к гостинице. Цок-цок-цок и сильный грохот подков, звук лошади, слишком утомленной, чтобы ехать в такую ночь, слишком хромой, чтобы ездить вообще.

Цок-цок-цок. И внезапно старый странник услышал это; он расслышал звук среди рыданий, и сразу побелели его губы. Тот же внезапный страх, который вызвал бледность на его лице, через мгновение передался сердцам всех, кто был там. Они забормотали ему, что это была только игра, они торопливо шептали оправдания, они говорили ему, что были неправы, но вряд ли надеялись на ответ; при этом старик ничего не отвечал, а сидел с застывшим взглядом, с высохшими внезапно глазами, как памятник ужасу.

Ближе и ближе раздавался этот звук.

И когда я увидел выражение лица этого человека и то, как усиливался его ужас, пока приближался зловеший звук, тогда я понял, что кое-что идет неправильно. И глянув в последний раз на всех четырех, я увидел странника, поражен-

ного ужасом, и остальных, толпившихся вокруг, чтобы вернуть свои огромные изумруды. И тогда, даже в такую ночь, я помчался прочь из гостиницы.

Снаружи жестокий ветер ревел в моих ушах, и близко в темноте цок-цок-цок – подъезжала хромая лошадь.

И как только мои глаза немного привыкли к ночной тьме, я разглядел человека в огромной шляпе, загнутой впереди, носившего меч в ножнах, потертых и огромных, и казавшегося чернее, чем самая тьма, медленно едущего на слабой лошади к гостинице. Принадлежали ли ему изумруды, кто он был, почему он ехал на хромой лошади в такую ночь, – я не стал выяснять, а отправился подальше от гостиницы, когда он зашагал в своем большом черном дорожном пальто к дверям.

И с тех пор никто и никогда не видел странника; а также кузнеца, плотника и сына почтальона.

Старое коричневое пальто

МОЙ ДРУГ, г-н Дуглас Эйнсли, говорит мне, что сэр Джеймс Барри однажды рассказал ему эту историю. История, или скорее фрагмент, состоит в следующем.

Человек, зашедший на аукцион где-то за границей (я думаю, что это, должно быть, происходило во Франции, поскольку цены проставлены во франках), попал на распродажу старой одежды. И по некой праздной прихоти он вскоре назвал свою цену за старое пальто. Кто-то поднял цену, он тоже поднял. И цена поднималась, пока старое пальто не отошло к нему за двадцать фунтов. Уходя с купленным пальто, мужчина увидел другого претендента, взирающего на него с выражением ярости. Такова история. Но как, м-р Эйнсли спросил меня, развивались события, и почему тот мужчина так разъярился? Я сразу сделал запросы в надежных источниках и установил, что человека, купившего пальто таким странным образом, звали Питерс, и что он отнес свою покупку на Рю де Риволи, в гостиницу, где он квартировал, из небольшой низкой, темной аукционной комнаты на берегу Сены, где он заключил сделку. Там он исследовал, снова и снова, весь день и на следующее утро, это легкое коричневое пальто с фалдами, не обнаружив никакого оправдания и ни малейшей причины для того, что потратил двадцать фунтов на столь поношенную вещь. Когда на следующее утро из сво-

ей гостиной он разглядывал Сады Тюильри, вошел человек с разъяренным взглядом. Мрачный он стоял, тихий и сердитый, пока сопровождавший его портье не удалился. Тогда он заговорил, и его слова были ясными и краткими, полными глубоких эмоций.

«Как Вы посмели поднимать цену против меня?» Его имя было Сантьяго. И в течение нескольких минут Питерс не находил никакого оправдания, извинения или объяснения. Неубедительно, наконец, слабо, считая свои аргументы бесполезными, он пробормотал что-то о намерении, которое мр Сантьяго мог иметь, вступая с ним в поединок на аукционе.

«Нет», сказал незнакомец. «Не будем вмешивать в это весь город. Это наше с Вами частное дело». Он сделал паузу, затем добавил жестко и кратко: «Тысячу фунтов, не больше». Почти в оцепенении Питерс принял предложение и, забирая тысячу фунтов, которые были ему заплачены, и извиняясь за неудобство, которое он невольно причинил, попытался проводить незнакомца до дверей. Но Сантьяго, схватив пальто, вышел стремительно впереди него и покинул гостиницу.

Затем последовал долгий диалог Питерса с его собственным подсознанием, полный ожесточенных упреков. Почему он вообще отдал столь неосмотрительно предмет одежды, за который так легко получить тысячу фунтов? И чем больше он размышлял, тем яснее чувствовал, что он потерял необычайную возможность для первоклассных инвестиций спеку-

лятивного сорта. Он знал о людях, возможно, больше, чем о вещах; и хотя он не мог разглядеть в этом старом коричневом пальто такой значительной ценности, как тысяча фунтов, но он увидел куда как большую ценность в нетерпеливом желании человека получить данное пальто. День размышлений о потерянных возможностях привел к ночи раскаяния, и едва рассвело, он бросился в гостиную, чтобы разыскать карточку Сантьяго. И обнаружилась опрятная и приятно пахнущая визитка с парижским адресом Сантьяго в углу.

Утром Питерс отправился по указанному адресу и нашел Сантьяго, который сидел за столом, окруженный химикалиями и увеличительными стеклами, и исследовал разложенное перед ним старое коричневое пальто. И Питерс предположил, что он был весьма озадачен. Они перешли сразу к делу. Питерс был богат и попросил Сантьяго назвать его цену, на что маленький смуглый человечек признался в небольших финансовых затруднениях и пожелал продать вещь за тридцать тысяч фунтов. Последовал небольшой торг, цена снизилась, и старое коричневое пальто сменило владельца еще раз за двадцать тысяч.

Тот, кто может усомниться в моей истории, должен понять, что в Сити (как может сообщить любой представитель любой финансовой компании) двадцать тысяч фунтов инвестируются с еще меньшим возвратом, чем старый фрак. И какие бы сомнения г-н Питерс ни испытывал назавтра относительно мудрости его инвестиции, перед ним лежал матери-

альный залог, нечто, на что можно указать пальцем и разглядеть, а такая роскошь часто недоступна инвесторам в золотые рудники и другие «Избранные Инвестиции». И все-таки дни шли за днями, а старое пальто не становилось ни более новым, ни больше чудесным, ни более полезным, а все более походило на обычное старое пальто. Питерс начал снова сомневаться в собственной проницательности. Прежде чем неделя истекла, его сомнения обострились. И затем однажды утром Сантьяго возвратился. Человек, он сказал, только что прибыл из Испании, друг, неожиданно возвратившийся в Париж, у которого он мог бы занять денег: и в этой связи не пожелал бы Питерс перепродать пальто за тридцать тысяч фунтов?

Тогда Питерс, разглядев свой шанс, снял наконец маску: он открылся, что ничего не знает о таинственном пальто, которым долго владел, и потребовал информации о его свойствах. Сантьяго поклялся, что он сам ничего не знает, и неоднократно повторил эту клятву, сопровождая ее многими священными именами; но когда Питерс, как часто бывает, начал угрожать, что ничего не продаст, Сантьяго наконец достал тонкую сигару, зажег ее и, усевшись в кресле, рассказал все, что знал о пальто.

Он шел по его следам несколько недель со все возрастающими подозрениями, что это не обычное пальто, и наконец настиг его в той комнате аукциона, но не стал предлагать больше двадцати фунтов из страха, что все проникнут в тай-

ну. Он поклялся, что не знает, в чем состоит тайна, но зато он знал, что пальто абсолютно ничего не весило; он обнаружил, проверяя его кислотами, что коричневый материал, из которого пальто было сделано, не был ни полотном, ни шелком, ни любым другим известным материалом, не горел и не рвался. Он полагал, что это был некий неоткрытый элемент. И прочие изумительные свойства пальто, как он был убежден, можно было обнаружить за неделю посредством экспериментов с химикалиями. Снова он предложил тридцать тысяч фунтов, которые мог выплатить в течение двух или трех дней, если все пойдет хорошо. И затем они начали торговаться, как могут торговаться деловые люди.

И утро настало в садах Тюильри, и полдень миновал, и только к двум часам они достигли понимания на основании, как они именовали это, тридцати тысяч гиней. И старый фрак был извлечен и разложен на столе, и они исследовали его вместе и рассуждали о его свойствах, теснее сдружившись за время напряженного спора. И Сантьяго встал, чтобы уходить, и Питерс с удовольствием пожал ему руку, когда на ступеньках послышались шаги. Звук приблизился к комнате, дверь открылась. И пожилой рабочий вошел внутрь. Он шел с трудом, почти как купальщик, который, плавая все утро, начинает утомляться без воды, когда возвращается на землю. Он без единого слова проковылял к столу и сразу разглядел старое коричневое пальто.

«Ну», сказал он, «это же мое старое пальто». И ничего не

добавив, он надел его. От жестокого блеска его глаз, пока он надевал пальто, тщательно застегивая пуговицы, застегивая карман здесь, расстегивая другой там, и Питерс и Сантьяго утратили дар речи. Они сидели, задаваясь вопросом, как они смели предлагать свою цену за этот коричневый фрак, как они смели покупать его, даже касаться его, они сидели тихо без единого оправдания. И, больше ничего не сказав, старый чернорабочий прошагал поперек комнаты, открыл широкое двойное окно, которое выходило на сады Тюильри и, бросив назад через плечо один-единственный взгляд, полный презрения, шагнул далеко в воздух под углом сорока градусов.

Питерс и Сантьяго видели, как он вышел из окна, промчался по диагонали по Рю де Риволи и по углу садов Тюильри; они ясно видели его над Лувром, и они тупо наблюдали, как он несясь вверх, шагая все более жестко и уверенно, широкими шагами, удаляясь все дальше и дальше вместе со своим старым коричневым пальто.

Ни один не заговорил, пока старик не превратился в пятнышко в небе далеко над Парижем, удаляясь в юго-восточном направлении.

«Ну, провалиться мне на этом месте!» – сказал Питерс.

А Сантьяго печально покачал головой. «Я знал, что это было хорошее пальто», сказал он. «Я знал, что это было хорошее пальто».

Архив Древних Тайн

В Архиве Древних Тайн Китая хранится история, согласно которой некто из дома Гланг был наделен необычайной ловкостью в обращении с острым железом; он отправился к зеленым нефритовым горам и вырезал зеленого нефритового бога. И было это в цикле Дракона, в семьдесят восьмом году.

И почти сотню лет люди сомневались в зеленом нефритовом боге, а затем поклонялись ему в течение тысячи лет; и после этого они усомнились в нем снова, и зеленый нефритовый бог сотворил чудо и поглотил зеленые нефритовые горы, опустив их однажды вечером на закате под землю так, что осталось только болото там, где были зеленые нефритовые горы. И болото было усеяно лотосами.

Около этого болота лотосов, когда оно блестит ввечеру, идет Ли Ла Хо, Китайская девочка, чтобы вернуть коров домой; она идет за ними, напевая о реке Ло Ланг Хо. И так она поет о реке, точнее, о Ло Ланг Хо; она поет о величайшей из рек, рожденной ранее самых древних гор, какие знают самые мудрые люди, более быстрой, чем зайцы, более глубокой, чем море, владычице других рек, более ароматной, чем розы, и более прекрасной, чем сапфиры на шее принца. И затем она просит реку Ло Ланг Хо, владычицу рек и соперницу рассветных небес, принести ей вниз по течению в лег-

кой бамбуковой лодке возлюбленного, плывущего из внутренних земель, в одежде желтого шелка с бирюзовым поясом на талии, молодого, веселого и праздного, с лицом, желтым, как золото, с рубином в головном уборе, сияющем в сумраке в свете фонарей.

Таким образом она просила каждый вечер реку Ло Ланг Хо, когда шла за коровами по краю болот лотоса, и зеленый нефритовый бог под болотами лотосов ревновал к возлюбленному, которого дева Ли Ла Хо попросит вечером у реки Ло Ланг Хо, и он проклял реку по обычаю богов и превратил ее в узкий и дурно пахнущий поток.

И все это случилось тысячу лет назад, и Ло Ланг Хо – всего лишь легенда среди путешественников, и история этой великой реки забыта, и что случилось потом с девой, не поведает ни один рассказ, хотя все люди полагают, что она стала богиней нефрита, чтобы сидеть и улыбаться лотосу, вырезанному из камня около зеленого нефритового бога, глубоко в толще болот на вершине исчезнувшей горы; но женщины знают, что ее призрак часто посещает болота лотосов солнечными вечерами, напевая песни о реке Ло Ланг Хо.

Город чудес

Над верхним крем пропасти встала луна. Ночь теперь на некоторое время скрыла изумительный город. Они создали его как гимн симметрии, все карты были надлежащим образом выверены; в двух измерениях – в длину и ширину встречались улицы и пересекали друг друга с идеальной точностью, со всей унылостью, доступной науке человека. Город смеялся над этим и пытался освободиться. И в третьем измерении он воспарил ввысь, соединившись со всеми небезопасными, ненаучными вещами, которые не считают человека своим хозяином. И все же даже там, даже в этих высотах, человек еще цеплялся за свою симметрию, все еще верил, что эти горы – здания; ровными рядами смотрели тысячи окон, устремленные друг на друга, все идеальные, все одинаковые, так что никто и не предположил бы днем, что здесь есть тайна. Так они стояли в дневном свете. Когда вставало солнце, они были столь же правильны, столь же научны и аккуратны, как могут быть сооружения людей или пчел. Туманы сгущались вечером. И сначала Вулворт-билдинг уходит, уходит прочь из-под власти человека, лишаясь всякой связи с ним и занимая свое место среди гор; ибо я вижу, как оно стоит и его нижние склоны уже незримы в сумерках, в то время как только его башенки различимы в более ясном небе. Так могут стоять только горы.

А все окна других зданий еще удерживают свой строй – все в ряд в тишине, не меняясь, как будто они ждут некоего тайного момента, чтобы отойти от схем человека и снова вернуться к тайне и романтике, как делают коты, когда крадутся на бархатных лапах вдаль от знакомых очагов в лунную тьму.

Ночь пала, и момент настал. Кто-то зажег свет, дальше другое окно засияло оранжевым жаром. Окно за окном, и все же еще не все. Конечно, если бы современный человек с его умными схемами сохранил какое-то влияние здесь, он повернул бы один выключатель и засветил все окна вместе; но мы встретились с древним человеком, о котором говорят далекие песни, с тем, чей дух родственен романтике и горам. Одно за другим окна сияют над пропастями; иные мерцают, иные темны; организованные планы человека исчезли, а мы остались среди обширных высот, озаренных непостижимыми маяками.

Я видел такие города прежде, и я рассказал о них в «Книге Чудес».

Здесь, в Нью-Йорке, поэта ждал радушный прием.